

DOI 10.31029/vestdnc91/11

УДК 94(47)

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ  
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ:  
ИДЕИ И ПРАКТИКИ АККУЛЬТУРАЦИИ**

**О. Б. Халидова**, ORCID: 0000-0002-3454-9427

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального  
исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

**ON THE ISSUE OF THE RESETTLEMENT POLICY  
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS:  
ACCULTURATION IDEAS AND PRACTICES**

**O. B. Khalidova**, ORCID: 0000-0002-3454-9427

Institute of History, Archeology and Ethnography of the  
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье рассматривается переселенческая политика Российской империи на Северо-Восточный Кавказ в контексте проблемы интеграции региона в общероссийское пространство. В основу исследования положена концепция так называемой «новой истории империи», основополагающим принципом которой является изучение способов взаимодействия имперской власти с регионами. В центре исследовательской идеи автора – рассмотрение представленной проблемы с точки зрения одного из стратегических векторов политики интеграции, – аккультура-тивных процессов в регионе в противовес политике «русификации» и «христианизации». Актуальность исследования определяется и уровнями раскрытия содержания темы: общероссийским и региональным. Такой подход связан с тем, что среди многочисленных местностей России Северо-Восточный Кавказ занимал особое место, являясь краем, где пересекались разнообразные миграционные потоки, из-за чего состав ее населения изначально формировался как сложный, но вместе с тем целостный комплекс элементов, различных по своей этнической и конфессиональной принадлежности. Необходимость изучения теории и практики в управленческой деятельности Российской империи и востребованность в научной среде исследований с использованием новых подходов и ответов с последующей формулировкой широких обобщений и концептуальных выводов позволили попытаться провести исследование в отрыве от «колониального» подхода с обоснованием на конкретном примере, в том числе реконструкции процесса взаимной аккультурации русского населения и кавказского. Сделан вывод о перспективности использования аккультурационной модели для понимания сути многовекового процесса интеграции рассматриваемой периферии в общее социокультурное пространство Российской империи.

Abstract. The resettlement policy of the Russian Empire to the North-Eastern Caucasus in the context of the problem of integration of the region into the all-Russian space is considered in this article. The research is based on the concept of the so-called "new history of the empire", the fundamental principle of which is the study of ways of interaction of the imperial power with the regions. The author's research idea focuses on subjecting the presented problem to consideration from the point of view of one of the strategic vectors of integration policy - acculturative processes in the region as opposed to the policy of "Russification" and "Christianization". The relevance of the research is also determined by the all-Russian and regional levels. This approach is necessary because the North-Eastern Caucasus has been a special national region within the empire. The ethnic and confessional composition of the population of the empire formed initially as a complex one. The research has been conducted out of the "colonial" approach on the specific example including reconstruction of the process of mutual acculturation of the Russian and Caucasian populations because of the necessity to study theory and practice in the management of the Russian Empire and the demand in the scientific community for the research using new approaches and answers with the formulation of broad generalizations and conceptual conclusions in the future. The conclusion is about the prospects of using the acculturation model for understanding the essence of the centuries-old process of integration of the considered periphery into the general socio-cultural space of the Russian Empire..

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Восточный Кавказ, интеграция, аккультурация, быт, культура.

Keywords: Russian Empire, North-Eastern Caucasus, integration, acculturation, everyday life, culture.

### **Введение**

Являясь весьма актуальной и перспективной темой для изучения исторической наукой, проблема интеграции национальных окраин в состав Российской империи в различные исторические периоды рассматривалась под разными углами зрения. Постепенный отказ от «колониального

подхода» в современной гуманитарной науке становится все более устойчивым, заставляя современных исследователей искать новые подходы для изучения данной темы. Круг исследователей как российских [1; 2], так и зарубежных [3–5], ориентированных на изучение этого процесса более детально, сегодня становится более широким, а исследования предпринимаются в рамках направления т.н. «*новой истории империй*», или *империологии*. Центром исследовательского потенциала является феномен империи, в основе которого лежит концепт *локальности*. Опровергая национальный вектор, рисующий империю абсолютным злом для национальных окраин, продуктивным подходом к пониманию сложной природы Российской империи считается изучение «групп и тенденций внутри нерусских народов, которые желали присоединиться к русскому государству и русской культуре» [6, с. 30], а механизм аккультурации становится одним из таких стратегических вариантов, который позволяет проследить процесс и результат взаимовлияния различных культур, а также определить степень влияния регионов на центр [7, с. 144].

Проблема аккультурации была поднята еще в конце XIX в. английскими этнографами. Данным термином «обозначалось культурное сходство, возникающее при культурных контактах различных этнических групп» [8, с. 212].

В современном научном сообществе понятие «аккультурация» несет в себе «конвенциональное признание и использование индивидом (группой) норм и традиций определенной культуры», при этом важным в этом процессе считается не просто «сохранение своей культурной идентичности, но и включение в чужую культуру» [9], другими словами, – это процесс, «главным результатом и целью которого является устойчивая адаптация к жизни в чужой культуре» [10, с. 13].

Сегодня вопросы, связанные с межкультурной коммуникацией, становятся все чаще востребованными. Причиной тому служат постоянные миграционные потоки, в результате которых соприкасаются два цивилизационных мира – восточного и западного. В связи с этим рассмотрение межкультурной коммуникации сквозь призму проблемы аккультурации [10–12] в контексте политики интеграции Северо-Восточного Кавказа в общеимперское пространство на примере имперской политики переселения и колонизации в изучаемый регион является для нас актуальной. Многогранность и важность рассмотрения взаимопроникновения двух цивилизационных кодов – русского (христианского) и горского (мусульманского) обусловлена, во-первых, с точки зрения понимания эффективности аккультурационных процессов в регионе, – насколько возможной была сама идея аккультуративных практик в переселенческой политике и проведения ее в условиях Кавказского края; во-вторых, необходимостью представить аргументированное понимание природы данного термина с последующей попыткой несводимости его к процессам, связанным с «русификацией» и ассимиляцией.

Теоретической основой для написания работы послужили научные исследования, в которых освещались различные векторы и задачи колонизации северокавказской окраины, как дореволюционных исследователей [13; 14], так и отечественных кавказоведов и дагестановедов в различные периоды [15–19 и др.].

Проблематикой, связанной с первыми контактами российского и кавказских народов, сближением их культуры и быта, занимались многие историки-кавказоведы: Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, Р.А. Фадеев, Д. Бэддли, Н.А. Смирнов.

### **Военно-казачья оседлость и народная колонизация на Северо-Восточном Кавказе: симбиоз естественного и политического процесса аккультурации**

На протяжении долгого периода определение Кавказского региона в качестве окраины государства, происходившее в достаточно сложных политических условиях, выдвинуло для России одно из приоритетных направлений в своем управлении краем, а именно «необходимость здесь прочной русской оседлости путем колонизации и расширением естественных границ российского государства» [20, с. 107].

Попытки освоения региона в исторической ретроспективе имели место задолго до окончательного его присоединения к России. Существенная роль в обрусении<sup>1</sup> Кавказа властями первоначально отводилась военному присутствию здесь. По утверждению русского военного деятеля И. Попко, «первой русской колонией на Кавказе было Гребенское казачье войско» [21, с. 11]. Ссылаясь на предание гребенцов, М.И. Караулов связывал их появление на берегах Терека еще в XIV в. с новгородскими ушкуйниками: «представлявшие собой вольные дружины и совершавшие походы на лодках – ушкуях, и через Каспийское море проникали в устье Терека и поднимались вверх по реке» [22, с. 107–108]. Являясь одними из активных участников освоения Кавказского края, гребенские и терские казаки, состав которых представлял собой «от беглых российских людей и от разных мест пришельцов от давних годов» [23], во второй половине XVI в. на правом берегу Терека образовали форпост Терки, постройка которого имела большое политическое значение [24, с. 9; 25, с. 42]. Именно с этого времени казачество региона становится проводником политики Российского государства на Кавказе.

В 1722 г., выражая свое подданство и верность России, после принесения присяги самому Петру они были поставлены для того, чтобы охранять данную местность на границе с Дагестаном. В результате была заложена крепость Святого Креста «в 10 верстах от Казииюрта вниз по Сулаку», куда был переведен гарнизон из Терского городка [26, с. 26].

В своем дальнейшем присутствии в регионе администрация края признавала полезной тактику «освежать время от времени служилый класс» [27, с. 54]. В конце XVIII в. российскими властями был разработан проект по устройству кордонных линий<sup>2</sup>, целью создания которых было решение не только военно-стратегических задач, но и «обеспечить водворение в крае русских колонистов» [28, с. 178]. Длинная протяженность Кавказской линии показала, что представителей казачьего сословия оказалось не так уж много для несения военной службы. С учетом этого правительство в начале XIX в. предпринимает шаг по переселению «части малороссийских казаков вместе с семьями» [29, с. 19], лишь небольшая часть которых попадала в рассматриваемый регион. Практиковался перевод казаков на Кавказ из других регионов, причем порой «не на добровольных началах» [30, с. 361]. А учитывая и тот факт, что положение Кавказской линии характеризовалось военной администрацией края как «слабое и ненадежное», на которую периодически совершались «дерзкие» набеги со стороны горских народов, и большая часть из которых признавались успешными [31, с. 342], идея графа Паскевича о переводе крестьян целых селений в казачье сословие, используя их на службе «равно со старыми казаками» [31, с. 343], была единодушно поддержана российскими властями. Так, в 1830–1831 гг. были переведены в казачье сословие казенные крестьяне Кизлярского округа, которые были причислены к составу линейных казачьих полков и поселены около Кизляра [31, с. 348].

Постепенно, в конце XVIII – начале XIX в. были образованы военные поселения, укрепления и опорные пункты, расположенные вблизи крупных аулов. Миграционный процесс, на первых порах имевший естественную природу, уже в первой половине XIX в. приобретает очертания механического, становясь главным приоритетным направлением для самодержавия. Внутренние социально-политические модернизационные процессы в империи, в том числе и проведение крестьянской реформы 1861 г., обусловили новый вектор в переселенческом движении, – с «военно-казачьей оседлости» [32, с. 473–474] на «народную колонизацию» [33, с. 405–425]. Одной из причин

<sup>1</sup> Термин «обрусение» широко использовался как в дореволюционной литературе, так и в современных научных исследованиях применительно к политике, проводимой на национальных окраинах Российской империи, и подразумевал как проведение целенаправленной миссионерско-просветительской работы среди нерусского населения, так и присутствие русской составляющей во всех сферах жизнедеятельности окраин.

<sup>2</sup> В начале XIX в. в процесс военной колонизации было вовлечено Левое крыло (фланг. – *О.Б.*) Кавказской кордонной линии и расположенные на ней укрепления (Герзель, Внезапное, Умахан-юрт Низовое, Темир-Хан-Шура и др.) и крепости (Грозная), см. подробнее: [26, л. 8].

такого поворота был и социальный фактор – создание в регионе опоры в лице русского населения, увеличение численности которого позволило бы предотвратить угрозу отторжения Кавказа.

Как отмечали дореволюционные авторы в своих размышлениях о русской колонизации, настоящее дело «не имело постоянной и прочной организации», несмотря на то что со временем оно переросло в целый «переселенческий вопрос». [13, с. 133]. В свою очередь, это не давало желаемых результатов. И это относилось ко всем российским окраинам. Исключение составляла Сибирь, куда, несмотря на «беспорядочный ход переселения», шла «вся широкая волна из центральных европейских губерний» [13, с. 133].

Что касается Кавказа, то здесь значение «русского переселения» было несущественным из-за большого притока в край «всяких чужеродцев», масштабы которого в значительной степени превосходили масштабы русской колонизации<sup>3</sup>. Колонизация приобретала и широкую сектантскую направленность [34]. Тем не менее, по данным на 1873 г., русское население на территориях Северного Кавказа составляло 70% [35, с. 135]. В частности, в Дагестанской области численность русских с 5,8 тыс. человек в 1867 г. выросла к концу столетия до 13,1 тыс. человек [35]. Ареал расселения русских переселенцев здесь представлял собой прежде всего округа области и города, за исключением небольшой их части, поселившейся в горных и предгорных округах.

С целью постепенной выправки переселенческого движения в русло управляемого «в Российской империи была выработана система и специальных подразделений, осуществлявших переселенческую политику» [36, с. 98], а в 1880–1890-х гг. в контексте вопроса «об усилении русской составляющей на Кавказе» [19, с. 48] были приняты законы о переселении на Кавказ поселенцев из центральных российских губерний. Религиозный фактор в колонизационном процессе играл не последнюю роль, акторами которого выступали православные крестьяне, главным требованием к которым было «самостоятельное ведение земледельческого хозяйства, достаточно большое количество рабочих рук в семье и не менее 300 руб. денег» [37, с. 416–420]. Для большей убедительности от крестьян требовалось предъявлять удостоверение от священника о том, что они действительно православные и «в предшествующем и нынешнем году были на исповеди и приняли Святое Причастие» [38, с. 16].

Несмотря на то что заявленная российским правительством задача осознавалась и военными губернаторами на Кавказе, признававшими ее «одной из главных мер в деле прочного государственного устройства», к концу XIX в. между двумя цивилизационными мирами – российским и кавказским все четче вырисовывались «границы отсутствия взаимопонимания» [39, с. 133], в том числе обусловленные, на наш взгляд, и вопросами переселенческого характера. Однако попытки сделать надежную социальную опору для административных преобразований из «благонадежного русского элемента» преследовали и цель оказания «немаловажного нравственного воздействия» на местных жителей [40, с. 8]. Кроме того, российское правительство надеялось, что «приток русского земледельческого населения... окажет значительное культурное влияние на ... туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, ... что в смеси с русским населением скорее забудет свое обособление от русских и взаимную вражду» [40, с. 8]. Подтверждением многовекового положительного влияния русского населения, особенно в хозяйственном отношении, на коренное население, являются и многочисленные исследования [41].

#### **Аккультуративные практики в повседневном социокультурном пространстве**

Исследуя аккультурационные процессы среди татар и казахов, оренбургский исследователь С.В. Любичанковский говорит «об яркой их выраженности в трудовой и хозяйственной повседневности» [42, с. 280].

---

<sup>3</sup>У дореволюционных авторов под «чужеродцами» здесь понимались представители армянского населения из Турции, персо-татары из Персии, а также англичане. См.: [13, с. 133].

---

---

В нашем случае рассматриваемые процессы проходили первоначально в естественных условиях и влияли на многие стороны общественной жизни переселенцев в изучаемом крае. Так, характеризуя отношения гребенцов с ближайшими их соседями как добрососедские, дореволюционные авторы отмечали куначество последних с кабардинцами и чеченцами [22, с. 108]. Традиция брать «жен преимущественно из представительниц горских народов» привела к тому, что русская речь «превратилась в ломаный язык, смешанный с татарским» [22, с. 108].

Описывая эти процессы более подробно, исследователи подчеркивают, что восприятие русским населением всего рационального и ценного в горской жизни позволило им «в максимально короткие сроки приспособиться к новым условиям существования» [43, с. 83]. На первых порах, в отсутствие знаний о природно-климатических условиях региона, отчетливо вырисовывалась необходимость перенимания опыта ведения сельского хозяйства, ношения одежды. В свою очередь, взаимным обменом становится знакомство горцев с огнестрельным оружием, до того обладающих навыками ведения только «лучного боя» [22, с. 109].

Как дома первых русских поселенцев – «русский рубленый курень и азиатская мазанка» [22, с. 111], так и их убранство – «свернутые пуховики, одеяла и подушки, развешанная начищенная посуда и оружие» [44, с. 159–160], представляли собой смешение русского и азиатского уклада жизни.

Постепенно все меньше сходства с русской традицией отмечалось и в одежде, ношение которой было «больше на черкесский манер» [45, с. 34–35]. Элементы местного горского костюма появляются и в одежде женщин-казачек, или «гребеничек». Отмечая большую страсть к нарядам у последних, современники подчеркивали их «азиатскую» принадлежность «во всех станицах вниз по Тереку» [46, с. 13]. Наряду с ношением «длинного до пят платья», наблюдалось и ношение платков на «горский манер» [42, с. 84]. Любопытным фактом являлось недопустимым для женщины-казачки «при посторонних ходить с непокрытой головой» [43, с. 85]. Отмечалась также их «неудержимая склонность» и страсть к украшениям «в виде ожерелий с припойками, дорогих поясов, блях, застежек, ярких шелковых бешметов» [22, с. 111].

В более поздний период среди нерусского населения городов Дагестанской области, как отмечает Э.М. Далгат, «хотя и медленно, но шел процесс европеизации одежды» [47, с. 224].

Подобные смешения и взаимовлияния были обусловлены, на наш взгляд, и присутствием инородческого элемента в составе терского войска. Поселение в казачьих станицах «особыми слободами» выходцев с Кавказа, добровольно переселившихся на равнину, было отмечено в 40-е гг. XIX в. Исследователи отмечают много примеров «добровольного перехода грузин в казачье сословие» [28, с. 178–179].

В более позднее время, в связи с процессом широкой «народной колонизации», по утверждению исследователей, «наибольшее число переселенцев дали Полтавская и Харьковская губернии» [29, с. 18], жителей которых к переселению побуждало безземелье и малоземелье. Результаты исследований кубанских ученых показывают, что «основной поток переселенцев направлялся в Черноморию» [29, с. 19]. На Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. численность представителей украинского населения составила совсем немного – примерно 20,5% [29, с. 19].

Что касается процессов интеграции в местную среду в сравнительно-региональном разрезе, то в Северо-Западной части Кавказа они были отмечены «полной интеграцией переселенцев в местную среду», в отличие от Северо-Восточного Кавказа, где крестьяне порой или частично перенимали чужую культуру или придерживались сохранения традиционных устоев [29, с. 22]. И здесь речь шла о взаимовлиянии в организации и способах хозяйственной деятельности. Например, о применении новых орудий труда – железные плуги, бороны, украинский плуг стали применять в плоскостных районах, где проживало большое количество русских переселенцев. Использование нового метода при обработке полей, когда в плуг одновременно впрягали лошадей и быков, был замечен и «у местных татар» [48, л. 184–185].

---

---

Долгое проживание на чужбине было отмечено и элементами взаимовлияния в повседневной традиционной кухне. Как отмечает М.Ш. Ризаханова, у русских, как и у горцев, особой популярностью стал пользоваться соленый овечий и козий сыр, который они стали изготавливать по горскому способу [49, с. 78]. В употребление прочно вошли многие горские национальные блюда, в том числе курзе, плов, хинкал и др. [49, с. 79].

Процесс культурного взаимовлияния был отмечен и в среде российских воинских формирований, в составе которых находились представители разных этносов и конфессий [50].

Многие переселенцы из России были удивлены языковым разнообразием Дагестана и изучали местные наречия [51, с. 6].

### Заключение

Таким образом, совместное проживание в составе Российской империи вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации русского и горского народов, что проявилось главным образом в быту, а с проведением интенсивной колонизацией региона отчетливо проявилось и в хозяйственном плане, а также во взаимодействии в сфере нормативов поведения. Что же касается духовной сферы – религиозных (цивилизационных) ценностных установок, то здесь это демонстрировалось больше как взаимоуважительные отношения. Это позволяет нам говорить о постепенном, немного замедленном формировании социокультурного пространства империи с сохранением как этнической, так и религиозной идентичности.

Работа выполнена в рамках государственного задания для ДФИЦ РАН «Восточный Кавказ в составе Российской империи: опыт интеграции и модернизации» № FMSW-2022-0019.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.
2. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / А.А. Андреев, О.А. Гром, Н.А. Дмитриева, М.Н. Крот, А.И. Нарезный, А.Т. Урушадзе; под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.
3. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / авториз. пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
4. Канпелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем.: С. Червонная. М., 1997. 343 с.
5. Hagen M., von. The Russian empire // After empire: Multi-ethnic societies and nation building. Boulder, 1997. P. 58–72.
6. Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. В.М. Шевырин. М., 2003. 92 с.
7. Леденева Н.В. Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 1 (3). С. 144–151.
8. Сокольская Л.В., Валентонис А.С. Генезис понятия “аккультурация” в истории научного дискурса XIX–XXI вв. // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 212–228.
9. Янутти О.А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 173–175.
10. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2018. 264 с.
11. Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

- 
- 
12. *Котов А.В.* Политика имперской аккультурации населения северных казахских степей (середина XVIII –XIX вв.): феномен Оренбургской киргизской школы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 188–194.
  13. *Липранди А.П.* Кавказ и Россия. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1911. 148 с.
  14. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 81 с.
  15. *Нахиунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 157 с.
  16. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 402 с.
  17. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. 421 с.
  18. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
  19. *Кобахидзе Е.И.* Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство «русской культуры и гражданственности» // Восток. 2016. № 2. С. 45–57.
  20. *Матвеев В.А.* Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX вв. Ростов н/Д, 2015. 158 с.
  21. *Максимов Е.* Терское казачье войско. Владикавказ: Тип. обл. правления Терской области, 1890. 167 с.
  22. *Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ: Электронпечатная тип. Терского областного управления, 1912. 384 с.
  23. Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив. 1958. № 5 [Электронный ресурс] Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ.XVIII.htm>. (дата обращения: 23.08.2023).
  24. *Кушева Е.Н.* Русско-дагестанские отношения в XVI–XVIII вв. // Материалы научной сессии по истории Дагестана. Махачкала, 1954. 27 с.
  25. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: Проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 42.
  26. Сведения о построении крепостей и укреплений на Кавказе и за-Кавказом // Научный фонд ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 14об.
  27. *Величко А.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Кавказ, 2010. 318 с.
  28. *Суздальцева И.А.* Военно-казачья колонизация Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века: задачи и особенности реализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (68). С. 177–179.
  29. *Сазонова С.Е.* Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация (конец XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. 27 с.
  30. *Романовский Д. И.* Кавказ и Кавказская война. М., 2004. 403 с.
  31. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. 8. 1033 с.
  32. О дозволенности русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // ПСЗ-II. Т. 43. СПб., 1868. Отд. 1-е. № 45785. С. 473–474.
  33. Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 1-е. № 38256. С. 405–425.
  34. *Халидова О.Б.* Сектантская колонизация Северного Кавказа в контексте интегративных практик Российской империи в XIX – нач. XX вв. (на примере Дагестана) // Религиоведение. 2019. № 1. С. 38–46.
  35. Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. М., 2000. 316 с.
  36. *Суюнчалиева О.Т.* Система государственных органов по контролю за миграционными процессами в Российской империи XIX – начала XX веков // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2(30). С. 98–102.
  37. Справочные издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. 7 // Сборник уложений и распоряжений о переселении. СПб., 1901. С. 416–420.
- 
-

38. Данилюк М.Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 30 с.
39. Гагазова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
40. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России [Приложение] // Терский календарь на 1907 г. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. Выпуск шестнадцатый. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1907. С. 1–73.
41. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. 752 с.
42. Любичанковский С.В. К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, № 3. С. 279–282.
43. Басирова К.К. Женская и мужская одежда русских Дагестана в XIX – нача. XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 5 (42). С. 83–87.
44. Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. Грозный, 1959. 238 с.
45. Сайгафаров Р.Г. «Описание гребенских казаков XVIII века» как исторический источник // Наука и культура России. Самара, 2012. С. 34–35.
46. Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. Отд. I. С. 3–156.
47. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 2015. 256 с.
48. Рапорт Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе. 1901 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 184–185.
49. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX–XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 188 с.
50. Абдулаева М.И. Дагестанцы на русский военной службе в XIX – начале XX вв. Повседневная жизнь. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016. 260 с.
51. Суздальцева И.А. Русский язык в Дагестане второй половины XIX – начала XX вв.: Распространение и роль в развитии русско-дагестанских взаимоотношений // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12, № 3. С. 5–10.

Поступила в редакцию 10.09.2023 г.

Принята к печати 22.12.2023 г.

\*\*\*

**Халидова Ольга Борисовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; e-mail: o.khalidova2011@mail.ru

**Olga B. Khalidova**, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; 75, Yaragsky st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030; e-mail: o.khalidova2011@mail.ru